

Руслан Галеев

Трансгалактический Моджо-тайп

ComfortMedia

Руслан Галеев
Трансгалактический
Моджо-тайп
Серия «Близкая радуга», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42225562

Аннотация

Человечество освоило сотни планет, но во время панического бегства с Земли были потеряны многие корабли. Однако, воссоздав цивилизацию, люди не смогли избавиться и от тех кошмаров, которые уничтожили материнскую планету: коррупции, политики, власти денег, религиозных и расовых разногласий, жажды наживы. Репортаж о буднях Дальней Космической Разведки, авторства репортера Тома Ханта, перемежается воспоминаниями о его юности в период правления президента Кшешинского, первых студенческих демонстрациях против режима, выходках юных непокорных, акциях веселого неповиновения, а так же более поздней историей о последней любви уже стареющего репортера. Автор не ставил перед собой цель воссоздать образ великого Доктора, но в период написания романа сознательно держал на письменном столе сборник статей Хантера Томпсона. Кроме того, есть мнение, что это история

не о прошлом Америки, и не о будущем человечества. Она о сегодняшнем дне.

Содержание

Пролог

7

Конец ознакомительного фрагмента.

56

Руслан Галеев

Трансгалактический Моджо-тайп

Артему Пироговскому

«Он же псих долбанный. С таким гадом надо быть очень осторожным, потому что, как бы он ни старался, он просто не может не говорить правду».

Хантер Томпсон «Большая охота на акул»

«Если общество намерено объявить меня вне закона, – сказал Кизи, – тогда я сделаюсь изгоем, причем чертовски хорошим. Людям только этого и нужно. Во все времена люди нуждаются в изгоях».

Том Вулф «Электропрохладительный кислотный тест»

«Когда наступит время оправданий,
Что я скажу тебе?
Что я не видел смысла делать плохо,
И я не видел шансов сделать лучше».

Борис Гребенщиков «Сны о чем-то большем»

All across the nation, such a strange vibration,
People in motion,

There`s a whole generation, with a new explanation,
People in motion, people in motion.

Scott McKenzie «San-Francisco»

Пролог

В мое время быть типпи считалось крутым. Хотя, если честно, большинство типпи, с которыми мне приходилось сталкиваться, оказывались либо самовлюбленными мерзавцами, либо наивными дураками-идеалистами. Но я не был типпи, мне повезло, я так и не научился врать самому себе. Поэтому я был недотепой. И Ревущий Медведь тоже, и Молчащая Сова, хотя последний был достаточно наивен, чтобы стать типпи, но он связался с плохой компанией. С нами...

Если типпи были кем-то вроде хиппи 60-х, то мы напоминали скорее битников. Битники тоже были крутыми, у них был Берроуз, но у них не было Вудстока, а у хиппи Вудсток был. И Вудсток оказался круче Берроуза, вот что я пытаюсь вам объяснить. Кто вообще помнит о битниках? Единицы. Зато про хиппи и лето любви помнят даже здесь и сейчас, когда расстояние до него исчисляется не только веками, но и световыми годами. Но в этом-то и кайф! Быть типпи в наше время значило быть на волне. А мы перли поперек волны. Понимаете, о чем я говорю?

Я родился на маленькой планете Кингстон сорок семь лет и шесть месяцев тому назад. С этим мне не повезло, потому что Кингстон – это дыра. То есть, фактически, это не дыра, а небесное тело, обладающее атмосферой (да здравствуют управляемые бактериологические процессы!), единствен-

ным городом, построенным вокруг большого завода по производству ядовитой дряни под названием «гелий 333» и пятью разными бургерными. Но, по сути – дыра дырой, без всякой надежды стать чем-то большим. Провинция – либо благородна, как седой ветеран, либо – диагноз. Кингстон была планетой-диагнозом.

А я был сначала мал, потом юн, потом молод и вокруг ничего не менялось. И сама эта перспектива неизменности и пресловутой стабильности (до конца отведенных тебе дней и да благословит Господь всемогущий стол данный мне и людей данных мне и всю эту ерунду, которая окружает меня при жизни и будет окружать мою могилу до тех пор, пока огонь очищающий не сотрет с лица вселенной саму память о человечестве), взламывала мне мозг и горстями закидывала в него губительные вирусы: надежды, мечты, грезы о чем-то большем. Нормальная ситуация, все мы в юности мечтаем о чем-то большем. Вопрос в том, насколько сильно ваш организм был поражен этой заразой? Если бы к моей голове тогда поднесли счетчик «нормально-ненормально», его бы не разнесло в клочья. Но указатель болтался бы где-то в районе критической отметки.

Как и положено зараженной системе, я довольно быстро перестал соответствовать представлению о том, каким должен быть хорошо воспитанный юноша Кингстона. Мои родители, мои друзья, мои одноклассники, соплеменники, сопла-нетники, собратья, соседи, короче, все эти so-so, таковое

представления имели. И именно они гораздо раньше меня поняли, что во мне что-то сломалось. Наверное, они копались в файлах на моей консоли, и им не понравилось все то, что я слушаю, то, что я смотрю, и то, что количество порнографии в памяти не превышало количество фотографий других планет.

Видите ли, в чем дело, дорогие читатели. Планета Кингстон – это планета домоседов и патриотов своего куса бесконечной вселенной. Вы заметили, что все ограниченные люди рано или поздно обращаются к патриотизму? Причем, сам-то по себе патриотизм – штука неплохая. Но ведь и ядерная энергия сама по себе – неплохая штука. Она просто есть и все. Она не виновата в том, как ее используют плохие умные люди. Так что, когда я встречаю человека, на полном серьезе говорящего о себе, как о патриоте, я сначала долго приглядываюсь к нему, и только потом соглашаюсь выпить за его счет. Понимаете?

Еще раз: Кингстон – планета домоседов. На людей, которые покидают ее прекрасный климат, вечный покой и никогда не меняющийся порядок вещей, здесь смотрят косо. Поворачивают голову, упираются подбородком в плечо, и смотрят. Я бы вот как сказал: Кингстон хорош для людей моего нынешнего возраста. Когда начинаешь мечтать о неизменности, отсутствии сюрпризов, хорошей погоде и предсказуемом завтрашнем дне. Но тогда мне еще не стукнуло сорок семь, а едва исполнилось семнадцать! Я закончил школу и

один курс института, предоставляющего возможность получить весь спектр теоретических знаний, которые могут понадобиться молодому человеку на заводе по производству «геллия 333». Еще два года, и я смог бы получить работу на том же самом заводе. Солнце всегда вставало бы на востоке, и всегда заходило бы на западе. Луна по имени Гавайи-5 была бы серым овалом на ночном небе, а луна по имени Кокос – тоже овалом, но красным. И так из года в год, из десятилетия в десятилетие. Рано или поздно у меня появилась бы любимая футбольная команда, и любимое место в любимом баре. А еще чуть позже я бы пришел к выводу, что прожил славную жизнь. Клянусь, так бы оно и было, если бы однажды на Кингстоне не появились типпи. Господи Иисусе, Дева Мария и все апостолы, какая бы прекрасная скучная жизнь у меня была! Но черт меня побери, если я жалею о том, что она не случилась!

И можете считать меня кем угодно. Дураком? Ладно, буду дураком. Шутом? Да, не вопрос. Стареем идеалистом не от мира сего? Эй! Я вовсе пока не старею. Мне всего сорок семь лет, меня зовут Том Хант, и я намерен замутировать одну из этих своих статей. И как обычно, я буду рассказывать о самом себе, о том, что вижу, о том, что слышу, о том, что скрыто, и о том, что наяву, и вы, черт возьми, не заметите, как я расскажу вам о вас самих. И хотя многие не согласятся со мной, скажут, что я солгал или перегнул палку, но, парни, тихо, не надо судорог. Я всего лишь напишу то, что я о вас

думаю, а как там обстоит на самом деле – спросите у тех, кто никогда не покидал славной провинциальной планеты Кингстон. Они знают, потому что они знают вообще все, и в этом их фишка. Но в этом же и их трагедия. Ибо незнание – прекрасно, оно ведет нас в будущее.

Стоп! Я же собирался рассказать вам о том, как на Кингстоне появились типпи. Для нашей дыры того периода это была та еще история! Когда огромный корабль, покрытый психоделическим граффити, приземлился на аэродром города, который тоже называется Кингстон (фантазия – грех), были потрясены все незыблемые устои общества. А когда космонавты в не менее расписных скафандрах вывалили наружу и тут же отправились в ближайший бар, неподобающе хохоча, неподобающе гремя неподобающей музыкой и неподобающе вращая зрачками, это перешло уже всякие границы. Приехал шериф О’Нилл со своими парнями, надавали бедолагам по гермошлемам, поломали гремящую аппаратуру, и заставили немедленно покинуть планету. Вот и все, каких-то жалких сорок минут на событие, которое изменило мне жизнь, и свидетелем которого я даже не был, потому что как раз в это время сидел на лекции по сопротивлению материалов.

За эти сорок минут я мог бы простить им и то, что они были самовлюбленными мудаками, и то, что они пестовали свой объединенный комплекс неполноценности чем угодно, кроме полноценности, и даже, прости господи, то, что,

повзрослев, большинство из них променяло будущее своих идеалов на прошлое своих отцов. Только одного я не прощу им никогда: типпи вбили себе в голову, что человечество необходимо изменить к лучшему. Как и большинство недо-теп, я люблю людей, но не люблю человечество. Стоит признать, что цивилизация у нас получилась так себе. Если бы мне сказали, что я могу помочь человеку, я бы сделал это, не задумываясь. Но когда я слышу о помощи человечеству, я начинаю стремительно деградировать и прячу кошелек.

Серьезно, все проблемы человечества от того, что его постоянно пытаются спасти. Фашисты, экологические маньяки, уравниатели, проповедники, диетологи, политики, писатели, монахи и сторонники свального греха. Все пытаются спасти человечество! А надо просто оставить его в покое. Спасите человечество от спасителей человечества, и будет вам счастье.

К чему я это?.. Ах да, типпи. Дело в том, что шериф О'Нилл приходится родным братом моей матери. После института я зашел в его офис. Но дядя был занят, и велел мне посидеть за его столом и подождать. Наверное, он все еще был уверен, что для меня круто посидеть за столом шерифа, не знаю. В общем, я пошел и сел. Мне было скучно, больше того, мне было тоскливо. А на столе лежал пакет, набитый под завязку красными капсулами. Я услышал, как кто-то сказал вполголоса: «Проклятые типпи были закинута по самые брови этой дрянью. Почему ты дал им улететь, О'Нилл-

л?» А дядя ответил: «Потому что теперь о них будут болтать на каждом углу. А если бы я не вышвырнул их с планеты, их бы еще и увидели. Ты подумал о нашей молодежи? Какой пример эти ублюдки подали бы нашим детям?»

Не знаю, что случилось со мной, но услышав это, я вдруг схватил одну из капсул и сунул ее в рот. Потом я что-то ляпнул дяде в оправдание ухода, и побежал домой. Но не добежал. В красных капсулах был салазарин. Так что следующие несколько часов я общался с Богом (он отвечал на древне-мандаринском, но все же отвечал), пел хором с бордюрными камнями, и усилием мысли двигал отражения в окнах. Не буду отрицать, что позже мне приходилось принимать тяжелые наркотики, но это был лучший трип в моей жизни! В нем было пространство. С тех пор мне стало тесно на родной планете.

Я очнулся в клинике, рядом сидели плачущая мама и отец с серым лицом. Мой старик был славным человеком. Он не стал меня наказывать, он сел и поговорил со мной. Вряд ли он смог меня понять, но потом, когда я решил перевестись на факультет журналистики университета Беты-Массачусетс, он не мешал мне. В отличии от всех остальных.

Ну, а дальше... Дальше было многое. Коммуны типпи, митинги, наркотики, рок-н-ролл, путешествия, много веселого хулиганства и огромный космос... Да, было весело, но стать типпи я так и не сумел. Никак не мог отделаться от мысли, что в своем стремлении спасти человечество они ни-

чем не отличаются от тех, против кого митингуют. Почему-то я знал, что это не проканает. Нельзя на серьезных щах бороться с людьми, которые не умеют искренне смеяться. Это как забивать гвоздь гвоздем. Так что, мы с друзьями выбрали другой метод сопротивления. Мы подняли этот мир на смех. И пусть порой это был смех сквозь слезы, но слезы-то были настоящими!

К слову. Вот почему мне нравятся космические разведчики. Они пытаются спасти людей, и плевать хотели на спасение человечества.

Пардон, мы вернемся к этому разговору позже. Только что открылась дверь рубки, и в кают-компанию заглянул Банджо, капитан корабля «Фифти-Фифти». Банджо – это прозвище, настоящее имя – Джо Бан. Забавно, правда? Я пойду, поболтаю с этим парнем, а потом объясню все то, что хотел объяснить.

Аппаратная расшифровка интервью № 2239-2, капитан Джо Бан

Т.Х.: Банджо, скажи, что ты здесь забыл?

Д.Б.: Здесь?

Т.Х.: Здесь, там, какая разница? В космосе.

Д.Б.: А, ты про это... Ну, я просто не понимаю, как можно быть где-то еще.

Сидеть на планете и смотреть в небо? Просто смотреть...

Не знаю. Я так не могу.

Голос у Банджо низкий, но как будто надтреснутый, он похож на потрескавшуюся бетонную плиту, рядом с заводом по производству «гелия 333».

Т.Х.: Мне кажется, из тех, кто сидит на планете, немногие смотрят в небо.

Д.Б.: Да почти все, на самом деле. В смысле... Для того чтобы смотреть в небо, не обязательно задирать голову. Понимаешь? Я имею в виду... когда ты чувствуешь, что можешь больше.

Т.Х.: Банджо, а почему дальняя разведка? Почему не межпланетник? Не полеты между солнечными системами? Почему разведка? Что-то личное?

Д.Б.: Нет, ничего личного. Моя семья прилетела на корабле «Бичер-Стоу», никто не потерялся. Так что... Просто в школе слышал много историй. У каждого второго кто-то оказался на другом корабле. Прадед, прабабушка... Друзья, родственники. Тогда же... я имею в виду последние дни Земли... люди просто пытались выжить. Это был исход в натуральную величину. Как в Библии. Есть место на корабле – садишься, нет – идешь к другому кораблю. Лишь бы убраться, так? Четыреста корыт. Убогих. Я имею в виду, сейчас они выглядят убогими, и кажется безумием лететь на таких... Но они спасли людей. И это только официально зарегистри-

рованные в программе спасения. А сколько было самопалов? Столько же, если не больше. Были даже мелкие корабли на двух-трех человек. Технология оказалась доступной, так что... Не совершенной, но доступной, я это имею в виду.

Т.Х.: Но поиски идут и идут, много лет. Не возникало мысли, что может быть это не стоит вложенного времени, вложенных налогов, ресурсов?

Д.Б.: Нет. Ни разу. А потом, знаешь... Том, да? Знаешь, Том, я лично нашел один могильник. Как раз самопал. Это многое меняет, Том. Это вообще все меняет.

Т.Х.: Расскажи об этом.

Д.Б.: Не думаю, что стоит... Ты не понимаешь. В смысле... Это не самая веселая история.

Т.Х.: Слушай, если я перешел границы, без обид, я просто хочу рассказать людям правду.

Д.Б.: Не знаю. Может, ты и прав. Может людям и стоит об этом узнать. Но тут ведь... Слушай, ну я не рассказчик, я не смогу это описать. Я очень плохой рассказчик. Сможешь потом переписать это так, знаешь, что бы люди смогли понять?

Т.Х.: Бен, дружище, я не самого лучшего мнения о человечестве, но поверь, фантазия у людей работает неплохо. Не парься. Просто расскажи.

Д.Б.: ОК... Короче, мы обшаривали 23 сектор. Две бригады, по девять кораблей в каждой. Не особенно рассчитывали там что-то найти, потому что в 23 секторе планет раз-два и обчелся. В общем... Были уверены, что этот полет пройдет

впустую. И вдруг... не помню кто... не важно, кто-то из наших засек остаточный след старой разделительной установки. Очень старой... Мы разбились на группы, начали прочесывать сектор. Это обычная практика. И... я наткнулся на корабль. Случайно. «Двина», кажется, украинский. Такой, знаешь... Огромная бочка, семьсот пассажирских мест, плюс команда.

Т.Х.: Ты вошел внутрь?

Д.Б.: Нет. Я – нет. Я пилот. Сначала пустили дронов, потом вошли десантники.

Т.Х.: И? Что они нашли?

Д.Б.: Что... Мертвых. Всех, кто был на борту... Все умерли. Давно. Не выдержали экраны корабля, люди умерли от облучения. Почти полные запасы еды и воды. Кислородные нагнетатели в порядке... И семьсот трупов. Понимаешь?.. Я хочу сказать... Не знаю... В глубоком космосе, без надежды на помощь. И ни одной подходящей для высадки планеты на парсеки вокруг. То есть, у них вообще не было шансов, вот я о чем, понимаешь? Но они не знали, и полетели... Вот это мы и называем могильниками, Том.

Т.Х.: Это страшно, приятель.

Д.Б.: Да уж. Прикинь... Семьсот трупов. Это очень много.

Т.Х.: Да... Как поступили с кораблем?

Д.Б.: Как обычно. Существует протокол. У разведчиков нет мощностей и ресурсов для буксировки таких объектов. Собрали все документы и информационные носители, зало-

жили заряды... Все.

Т.Х.: Братская могила...

Дальше – тишина. Я вышел из рубки. Налил водки. Перед глазами тьма, огромный примитивный корабль «Двина», замерший в 23 секторе, а я даже не знаю, где это. Внутри мертвая надежда в количестве семисот штук, плюс сколько там было экипажа и обслуживающего персонала. Тишина на записи длится ровно час-сорок пять. Я забыл выключить функцию записи.

Джетро-Талл, курортная планета-офшор. «Д.Д.»/ Бета-Массачусетс, планета-университет

Я не был прилежным студентом, но о студенческих временах вспоминаю с нежностью и трепетом. Бета-Массачусетс, рай и ад, свет и тьма, девчонки и... еще раз девчонки. Брюки с бахромой, джинсы с металлопреновой нитью, длинные волосы, марихуана, бусы, колокольчики и Мао. Ну ладно, последнее не про меня, никогда не заморачивался на этой ерунде. Я выглядел, как типпи, иногда тусил с типпи, но не был типпи. Я был студентом-раздолбаем, классическим недотепой из братства Сигма-Кси. Славные денечки. Настолько славные, что кое-что вошло в анналы истории благодаря нашему славному брату Дьякону и его «В.Л.О.Б.» – «Великой Летописи Огненного Братства». Наше Сигма-Кси в конце

концов распустили. Потом, правда, снова собрали, но уже после того, как мы похватали свои дипломы и были депортированы с планеты к чертовой матери во взрослую жизнь. И после того, как раздутого от ботокса президента объединенного человечества Кшешинского бездарно отправили в изгнание вместо того, чтобы четвертовать, сечь плетью или, в крайнем случае, скормить собакам. Так вот, был суд братств, на котором Сигме дали второй шанс и назначили испытательный срок, – я скачал запись этого цирка из консольной сети. Было смешно, тем более что, судя по лицам нынешней братвы, они немногим лучше нас. Наверняка, парням пришлось научиться получше прятать выпивку и наркотики, встречаться с чиксами за пределами студгородка, и вообще, на какое-то время уйти в подполье. Само собой, это сделало их жизнь еще интереснее.

Еще пара мыслишек в том направлении, и я пушу скупую мужскую слезу прямо в бокал с шикарным тридцатидвухлетним виски с Дункана. «Стрелок Шарп», одна бутылка стоит больше моей машины. И в плане денег, и в плане качества. Это еще один повод заплакать. Каждый глоток, как коктейль амброзии и небесного огня. Никогда бы не смог позволить себе такую выпивку.

Этот виски, этот дом (про него – позже) и, отчасти, эти воспоминания принадлежат моему старинному корешу, Рудольфу Энрике Баррозу. Человеку, с которым мы когда-то прошли огонь, воду и медные трубы, а теперь даже по кон-

сольной сети не часто общаемся. Отчасти именно поэтому, из-за этих вот постыдных порывов расплакаться над трупом своей славной молодости. Ведь если вдуматься, больше нам обсудить нечего, ничего стоящего в нашей жизни не происходит, и как только мы сворачиваем со слезливой темы, откуда-то выползают фьючерсы, инфляция, вбросы на выборах, налоги на недвижимость и мучительные паузы в разговорах. И хотя все это классные темы для моих статей, но они совершенно не подходят для трепа со старым студенческим другом. Поэтому мы видимся крайне редко, а когда видимся, стремительно убираемся в хлам всем, до чего успеваем дотянуться. Быть взрослым – грустно. Это, впрочем, не мешает мне пользоваться карт-бланшем в любом из отелей Баррозу. И считать его своим лучшим другом, одним из двоих. Как-то так получилось, что сами мы со временем испортились, а наша дружба – нет.

Да дорогие мои, бывший студент-недотепа по прозвищу Ревущий Медведь вырос и стал богатым сукиным сыном по имени Рудольфу Энрике Баррозу. Быть богатым – пошло, делать карьеру – пошло, работать и то – пошло, мы все так считали и мнения своего не изменили. Просто слегка повзрослели. В этом беспринципном мире идеалы слишком быстро покрываются плесенью, их надо нежно хранить, лелеять, оберегать. А для этого нужны деньги. Поэтому мой старинный кореш Ревущий Медведь владеет десятком шикарных отелей на десятке курортных планет, я стал довольно извест-

ным журналистом-блогером, а Молчащая Сова... Впрочем нет, про него отдельно, я слишком люблю этого сукиного сына, чтобы не подкинуть хотя бы понюшку помпы в его появление на страницах этой книги. Что касается других моих знакомых недотеп из прошлого, то они подались либо в политику, либо в бизнес. Точнее так: самые бездарные в политику, самые мудрые в бизнес.

И вот я плаваю в шезлонге в самом сердце Джетро-Талла, пью виски, а моя консоль то и дело подает сигналы о том, что находится на грани перегрева. Ну, потерпи старушка, я тоже страдаю в меру возможностей. Температура воздуха 27 градусов выше нуля, и капли воды из бассейна испаряются с моей кожи быстрее, чем я успеваю с ними попрощаться. Но надо терпеть, лишения делают нас крепче.

Что бы, интересно, сказали парни по имени Ревущий Медведь, Молчащая Сова и Бегущий Кролик (так когда-то звали вашего покорного слугу), увидь они меня сейчас и прочтя эти жалкие доводы в самооправдание. Они бы промолчали. Даже хуже. Они бы затаились от косяка, презрительно поджали губы, и только после этого промолчали бы, с жестокой жалостью глядя на меня своими слезящимися глазами. Ну что ж, мне нечего им ответить. Они ведь лучше меня, лучше по определению, поскольку моложе, безбашеннее и, попав на курорт, не стали бы плавать в шезлонге даже ради этого прекрасного виски. Они отправились бы искать неприятности на свои тощие задницы, и клянусь вам, они бы их нашли.

Ревущий Медведь был нашим вожаком, нашим вождем, нашим капитаном. А я был его лучшим другом с первого дня учебы.

Еще не будучи Бегущим Кроликом, а всего лишь наивным и растерянным провинциальным мальчиком Томми с планеты Кингстон, я вошел в назначенную мне комнату в общежитии. Пустая бетонная коробка размером три на четыре метра, с узким окном-бойницей напротив двери. Три односпальные кровати испуганно смотрели на меня запакованными в пластик матрасами, а в углу напряженно застыл трехдверный шкаф. Сдается мне, с той секунды я никогда больше не видел эту комнату такой чистой.

Испуганный провинциальный мальчик Томми помялся на пороге, чувствуя, что перейдя черту, совершит Поступок, и обратного хода уже не будет. Наивно, но чертовски правдиво, потому что так оно и оказалось.

Я бросил сумки на одну из кроватей, сел и стал ждать. Я понятия не имел, что делать дальше и размышлял, а не совершил ли я самую страшную ошибку в жизни, покинув родной Кингстоун. В этот момент дверь открылась, и в комнату ввалился румяный толстяк, ухоженный и выглаженный маменькин сынок, скорее всего, воспитанный в христианском духе и помнящий наизусть большую часть псалмов. У него были такие же испуганные глаза, как у меня, и два гигантских чемодана, размером с трансгалактический лайнер каждый. А еще сумка на поясе смешного оранжевого цвета, из

тех, что во все времена именовались не иначе как «пидорка».

Боже мой, память, что хранится на твоих пыльных стеллажах? Зачем ты хранишь все эти подробности? Неудивительно, что я так много забываю, у меня же наглухо забиты все объемы, вот и все. Оранжевая сумка! Я помню эту проклятую оранжевую сумку!

Парнишка прокашлялся, сказал, что его зовут Оди Смит, и что, наверное, мы теперь, соседи. Я сказал, что, да, наверное. Вот так я и познакомился с Молчащей Совой, которого большинство из вас – внимание, барабанная дробь, пара джинглов, обнаженная манекенщица идет по рингу с номером в руке – знает под именем Орджинальд Дуглас Смит Старший. Тот самый седовласый качок, владелец всемирно-известной корпорации «Мир Футбола», король мегасети магазинов «Дуглас Спорт» и трех спортивных телеканалов, а также владелец кучи разного хлама, типа корабли, космолеты, заводы и парки отдыха! Судьба играет с нами в разные игры, но больше всего ей нравится маскарад.

Но вернемся на Бета-Массачусетс. Пока мы пялились друг на друга, дверь открылась, и в комнату вошел наш третий будущий сосед. Он был длинный, тощий и смуглокожий, как и подобает юноше, проведшему большую часть жизни на Моби Дике, под испепеляющими лучами звезды Маяк Надежды. Тощий парень осмотрелся, покачал головой и произнес: – Окно слишком узкое, плохо будет выветриваться.

И только потом представился:

– Меня зовут Ревущий Медведь. А вас?

Мы назвали свои имена, и он огорченно покачал головой.

– Парни, на хрена мне знать ваши прошлые имена? Они остались там, откуда вы смотались ради свободы, выпивки и бесконтрольного секса. Мда... Ну, ничего, торопиться нам некуда. Все лучшее впереди.

Ревущий Медведь оказался прав. Он вообще редко ошибался, этот сукин сын. Наши славные деньки только-только начинались, они робко скреблись в нашу дверь, суля прекрасные неприятности и приключения, достойные пера беллетриста. Незабываемые. Душераздирающие. Священные дни молодости. Они вряд ли понравились бы стеснительному мальчику Томми с планеты Кингстоун, но Бегущий Кролик не променял бы их ни на что другое. Да и я сам, вот-вот готовый начать стариться, тоже, если уж на то пошло.

Солнце Джетро-Талла начинает перегибать палку. Я допиваю виски и позволяю своему телу сползти с шезлонга. Меня ждет кондиционированный номер, стационарная консоль на семьсот каналов и недописанная статья о героях дальней разведки. Так что извините, друзья, мы еще предадимся воспоминаниям, как только от моей шеи уберут топор дэдлайна.

Поисковый рейд эскадры Дальней Разведки. Борт флагмана Дальней Разведки «Месть Королевы Анны»

Флагман, эта гигантская туша, корабль-матка, с которого координируется работа поисковых команд. Семь с половиной километров в диаметре, и двенадцать километров от холки до хвоста. Это город, висящий в вакууме, и потому здесь, конечно, скучнее, нежели на простом рейдере. По «Мести» можно ползать месяцами, и все равно отыщется пара другая способов заблудиться, и однажды, идя в туалет, вывалиться в открытый космос. Но это все-таки не то. Отсутствует это скребущее ощущение причастности, которое ты загравком чувствуешь, находясь на маленьком рейдере и понимая, что со всех сторон тебя окружает тотальное НИЧТО.

Но мне не разрешают оставаться на рейдерах дольше трех суток. Что-то там наплели психологи экспедиции, ненавижу этих гадов. Каждый раз мне приходится возвращаться на «Месть», проходить полный медосмотр от мозолей на пятках до лысины на макушке. Я, видите ли, не космонавт, мой организм не меняли под нужды дальней разведки, а департаменту не хочется получить лишнюю тонну бюрократической волокиты в связи с безвременной кончиной какого-то там репортера. Как говорили в старых фильмах: «Только не в мою смену, парень».

«Местью» заправляет женщина-командор по имени Абигейл Чанг. Прекрасная, как черная богиня, вырубленная из цельного куска обсидиана, и такая же бесчувственная. Командор Чанг наотрез отказалась давать мне интервью, и слышали бы вы, сколько льда было в ее голосе. И как сверкали ее глаза. Будь мы на берегу, я бы не удержался от обречённой на провал попытки уломать эту красотку на мимолетный, но яростный и необузданный перепихон на первой попавшейся горизонтальной плоскости. Скорее всего, у меня бы ничего не вышло, и я бы осознавал это заранее, но все равно попытался бы. Третий размер туго обтянутый военной формой – кто бы устоял от такого? Даже угроза перелома ребер и обеих ног не является достаточным аргументом, к тому же, помимо груди там имелись точеные скулы, жаркие, манящие губы и две сцепившиеся в мертвой схватке планеты прямо под поясом ее галифе.

Но я был на ее корабле, в ее монастыре, и мой устав тут не котировался.

Как бы там ни было, я только что вернулся с «Фифти-Фифти», меня разве что наизнанку не вывернули флагманские эскулапы, и в ближайшие двое суток попасть на другой рейдер мне не светило. Я бездельничал, шлялся по «Мести» и мешал работать остальным, пытаюсь взять у них интервью. Иногда получалось. Чаще меня посылали.

Далеко не все взятые мною интервью были включены в серию статей об этом рейде. К примеру, следующее интервью

волевым решением редакторской группы (будьте вы прокляты, а я знаю, что вы все равно это прочтете) из серии было изъято.

Беседа с Матиасом Поттером, методистом, не вошедшая в серию статей о рейде благодаря заскорузлomu тупому упрямству редакторской группы, будьте вы прокляты еще раз

Матиас Поттер, методист. Ему тридцать три, он подтянут и широкоплеч, но общего с тем же Банджо у него мало. Банджо – морской волк, а Поттер – ухоженный и следящий за собой офисный работник. К тому же, у Поттера на лице написано, что он страдает от фатального кризиса личности. Мы сидим в кают-компании, время на часах – 18:33, на столе пиво.

М.П.: Я всегда мечтал стать пилотом, но у меня проблема с реакцией организма на эти препараты для перегрузок... все время забываю, как они называются. Так что я стал методистом. Конечно, моя работа очень важна. Но... сам понимаешь. Методист.

Т.Х.: Да, чиксы на такое не клюют.

М.П.: Точно, брат. Не клюют. Каждый раз у них такое

разочарование в глазах... Слушай, где ты выкопал это словечко, «чиксы»? Я его лет сто не слышал.

Т.Х.: Да вот, всплыло.

М.П.: Правда в том, что работа рейдеров... Тебе взять еще?

Т.Х.: Да, спасибо.

М.П.: Так вот, работа рейдеров, это всего лишь треть нашего общего дела. Причем, технически, не самая сложная. Но... они герои, Том. А мы – что-то вроде обслуживающего персонала. Так это воспринимают посторонние.

Т.Х.: Матиас, но тест на препараты от перегрузок делают только при поступлении в разведку. Ты мог бы стать пилотом межпланетника и даже межсистемника.

Матиас достает из кармана консоль, загружает фото, на нем два младенца: мальчик и девочка.

М.П.: Это мой прадед, а это его сестра-близнец. Они оказались на разных кораблях... Отец застал прадеда живым. Говорит, тот был уверен, что его сестра жива. Вроде как, близнецы такое чувствуют... Понимаешь?

Т.Х.: Поэтому ты пошел в Дальнюю Разведку? Из-за фотографий?

М.П.: Да. И другие такие же фотографии. Ты понимаешь, это словами трудно выразить, но вроде как получается, что я не могу оставаться в стороне от этого поиска. То есть... НУ

да, я мог бы стать пилотом межпланетника, и чиксы относились бы ко мне, как к пилоту. Но... Я так не могу. Мое место здесь. Хочу хоть что-то сделать. Хоть что-то, понимаешь?

Т.Х.: А если ничего не получится? Если все поиски окажутся напрасными?

М.П.: В этом не будет моей вины.

Т.Х.: Значит, дело в вине? Ты чувствуешь себя виноватым за то, что жив, за то твои родители долетели до Спасения, а другие нет?

М.П.: Нет... Хотя, может быть. Я в таком ключе никогда не думал. На самом деле... фишка в том, что я хороший методист, и мне нравится моя работа. Это не круто, но это правда, я реально кайфую, делая свое дело. И я мог бы делать это и дома, и на любой другой планете. Просто, здесь в этом есть смысл. Знаешь, это как все время мечтать о чем-то большем. Кому-то всегда мало денег, кто-то хочет квартиру выше этажом, с тремя сортирами, или экран консоли во всю стену. И ничего плохого в этом нет, просто... А что дальше? Ну вот, ты купил этот гребанный экран. Что дальше?

Т.Х.: А у тебя что дальше?

М.П.: Космос. Он же бесконечный. Здесь все время, чего бы ты ни достиг, есть что-то еще. И вот это «что-то еще»... Я никогда не упрусь в стену, понимаешь, Том? Потому что нет никаких стен. Будешь еще пиво?

Вот и вся беседа. Редактора говорят – она никакая. Да, в

ней нет ничего особенного, но, да будет вам известно, из таких людей тоже состоит Дальняя Разведка. У каждого своя история, у каждого есть причина находиться за многие световые годы от дома. И пусть не все они штурмуют НИЧТО с штурвалом в руках. Не все упрямо хмурят брови, преодолевая невзгоды и опасности. Но все делают то, что нам всем, вдавленным в просиженные диваны, понять не дано. А если дано, то ничего хорошего это о нас не говорит, ведь мы понимаем, и все равно сидим на этих проклятых диванах.

Я к чему это? Жаль, что эти несколько строк не втиснули в серию интервью. Про такое тоже должны знать.

А еще я бы хотел, чтобы и таким парням, как Матиас Поттер, слегка перепало от мечтающих о героях чикс.

Я молча киваю и салютую ему бутылкой. Мы допиваем и идем в большую кают-компанию, где обещали кино про Синих Демонов – акул с планеты Иеманджи. Синие Демоны – единственный вид акул, потомков земных хищниц, которые смогли выжить и прижиться на других планетах. Все остальные – вымерли. Интересный фильм, особенно тот момент, когда огромная тварь размером с рейдер разведчиков вылетает из воды метров на десять и хватает одного из этих птеродактилей, которые на Иемандже вместо птиц. Потрясающе! Кроме того, птеродактиль напомнил мне одного копа с Беты-Массачусетс. Это слегка улучшило мое настроение. Я бы не отказался посмотреть, как Синий Дьявол хватает засранца за его набитую пончиками задницу. Но, говорят, ста-

рый садист уже отдал Богу душу. Ушел тихо, во сне, а на тумбочке лежала консоль с открытым романом «Собор Парижской Богоматери». Боже, сколько нелепицы в одном предложении! Но так мне рассказали! Жизнь – абстракционист, а еще у нее волосатые руки, все в татуировках и шрамах от тестов на аллергию.

К сожалению, я не смог досмотреть фильм до конца. В семь заканчивалась смена у одного из поваров флагмана. Ничего, скачаю, когда вернусь в цивилизацию. Мне нужно было это интервью.

Вы, наверное, думаете, что у старого дурня Ханта совсем усох мозг от алкоголизма. Первый репортер, которого пустили в рейд дальней разведки, вокруг пилоты рейдеров, десантники, космические навигаторы, семь капелланов от семи конфессий, и даже собственный небольшой бордель. А старый маразматик идет брать интервью у повара. Но я вам так скажу – тело человека – несовершенно, а главное, занимает не так уж много места в пространстве. И от желудка до души – буквально рукой подать.

Джетро-Талл, курортная планета-офшор. «Д.Д.»

Итак, я позорно отступаю в кондиционированный тыл моего номера. Аккуратно, стараясь не хлопнуть, закрываю дверь. Абигейл еще спит, и полосы солнечного света тянутся сквозь жалюзи к ее обсидиановым бедрам. Она прекрасна, а я не

так уж безнадежен.

Я подхожу, и нежно целую ее в плечо. Абигейл поджимает губы, но не просыпается.

У нас еще сутки. Потом она сядет на межсистемник, закроет глаза, вот так же, как сейчас, и улетит на родную Гермону. А я вернусь к себе на Бахрейн, в уединенный отшельничий бунгало прямо в центре оазиса, который зеленым клинком пробивает сердце пустыни. Ее ждут новые поиски, меня – серия статей, потом, кажется, съемки фильма об этом полете, потом книга, которую я пока еще даже не начал писать. Но мы – она и я – мы не заглядываем так далеко вперед. У нас еще целые сутки...

Я поднимаю с пола ее китель и аккуратно вешаю на спинку стула. Потом тихо выхожу из спальни «Д.Д.».

Блок «Д.Д.», часть каждого из отелей Ревущего Медведя. «Д.Д.» – значит «для друзей». То есть для меня, для Молчащей Совы и еще пяти-шести человек во вселенной. Эти номера почти никогда не сдаются обычным клиентам, разве что в дни каких-нибудь крупномасштабных мероприятий, когда сдаются по сходной цене даже чердаки с подвалами, а цена древней продавленной раскладушки взлетает до небес. Как, например, это случилось на последнем концерте Led Zepelin, о чем я довольно подробно, хотя и несколько сумбурно написал в рассказе «Если вы это слышите».

В гостиной я наливаю себе новую порцию «Шарпа». Я рано начал, а значит останавливаться уже нет смысла.

«Д.Д.» на Джетро-Талле выполнен в старом колониальном стиле. Стены из пластика под дерево, такого же цвета жалюзи и чучело медведя в углу. Тут даже есть ружье на стене и рога в качестве вешалки для шляп. Да что там, здесь есть даже пустая корзина для зонтиков, выполненная в виде ноги слона. Чем-чем, а странным вкусом Ревущий Медведь мог похвастаться всегда. Даже в те дни, когда носил майку с портретом Хендрикса, бусы из вишневых косточек и прическу «Генг-Бенг Пати».

Мне надо закончить статью, дедлайн уже скалит свои желтые от кофе клыки из всех отражающих поверхностей. Но Господи Иисусе, это же Джетро-Талл, здесь не работают, на этой планете все сделано таким образом, чтобы вы забыли о том, что вообще когда-то работали. Работать, вкалывать, пахать, гнуть спину, мотыжить, горбатиться, пыжить шахтера, стаханить, гондурасить? Нет, не знаю! И все же я миную гостиную, прихватив, впрочем, бутылку, и плетусь в кабинет. Он размером с нашу первую комнату в общежитии, ту, где мы жили до того, как перебрались в дом Сигма-Кси. В нем есть стол, кресло и такой вентилятор на потолке, с огромными лопастями. Вентилятор – декоративный, украденный из любимых старых фильмов Ревущего Медведя, тех, в которых герои много курят, плачутся в жилетку бармену, а под конец уходят по взлетному полю аэродрома, провожаемые только дождем и джазом. Сдается мне, у Ревущего Медведя есть тайная пещера, как у супермена, в которой он хранит пол-

ную коллекцию земных фильмов, в которых хотя бы раз появляется подобный вентилятор на потолке. И готов спорить, каждая лопасть там отбрасывает длинную тень.

Кроме того, на стене в кабинете висят куски металла, сильно подпорченными коррозией. Но о них позже.

Я падаю за стол, делаю солидный глоток «Шарпа», позволяю себе мгновение блаженства с зажмуренными глазами, и приступаю за работу.

Поисковый рейд эскадры Дальней Разведки. Борт флагмана дальней разведки «Мечь Королевы Анны»

Проходя по одному из многочисленных коридоров флагмана, я решаю заскочить в туалет. И первое что вижу при входе, лицо с уже знакомыми мне признаками фатального кризиса личности. Прямо в зеркале. Мое лицо. Это слегка портит мне настроение. «Ну-ну, – говорит мне внутренний голос, – нет причин расстраиваться. Во-первых, ты никогда не проваливал тест на пригодность к дальней разведке. Как ты мог его, черт тебя побери, провалить, если ты даже не пытался его сдать. И, во-вторых, кризис личности необходим писателю, как перманентная опция».

Я пытаюсь брыкаться, и говорю, что я вовсе не писатель, а репортер-блогер.

«Но ведь ты всегда мечтал стать писателем, – говорит мой

внутренний голос. – Ты на верном пути! Кризис личности у тебя уже есть, осталось написать книгу».

Настроение мое портится окончательно, и я торопливо выбегаю из туалета, так и не сделав того, зачем туда шел.

Я иду, и справа от меня бежит красная пунктирная линия со стрелками, показывающая, что именно в этом направлении надо бежать, в случае, если флагман начнет гибнуть. А по другой стене бежит в противоположном направлении пунктирная линия с синими стрелками, и я который день даю себе зарок узнать, куда она ведет, и который день забываю. Пока у меня только один вариант – это стрелочка для самоубийц. Типа: если корабль гибнет, а вы ни в коем случае не желаете быть спасенным, – вам туда.

Я миную двери в спортзал, потом двери в прачечную, и оказываюсь прямо перед дверями в одну из малых кают-компаний, каких на корабле то ли семь, то ли восемь.

Повар Джордано Понтифик по прозвищу Бочка Веселья, один из самых мрачных типов, каких я видел на своем веку, уже ждет меня за столом. Народу в кают-компании немного, да и те, что есть, с головой ушли в нейро-игру: крошат направо и налево живых мертвецов. У всех – дермопластыри на руках. Позволить себе постоянный имплант космонавты не могут – запрещено регламентом дальней разведки.

Джордано молча протягивает мне бутылку пива. Я с удовольствием к ней прикладываюсь. Впереди десятки часов расшифровок. Небольших интервью, зарисовок быта Даль-

ней Разведки, из которых в конечном итоге должно получиться... что? Черт его знает, не спрашивайте. Мне не нравится слово «правда».

**Аппаратная расшифровка интервью
№ 2240-2, Джордано Понтифик, повар.
Эпизод, не вошедший в серию интервью**

Д.П.: Тебе надо провериться на алкоголизм, я узнаю этот глоток.

Т.Х.: Да?

Д.П.: Ага. Точно так же прикладывался мой отец. До тех пор, пока его не выловили однажды из речки Луисвиль.

Т.Х.: Луисвиль, это на какой планете?

Д.П.: На Синем Ките.

Т.Х.: Синий Кит? Разве это не планета-тюрьма?

Д.П.: Она самая. Отец работал там надзирателем. Мы-то с мамой и старшим братом жили на Иводзиме. Это такая искусственная планета.

Т.Х.: Да, знаю. Похоже, не часто ты видел отца, да?

Д.П.: Раз в месяц. Иногда реже, потому что, случалось, мама отсылала нас на это время к знакомой. Отец иногда перебарщивал с выпивкой, пускал в ход кулаки. Нас-то с братом он не трогал, но мать не хотела, чтобы мы видели, как он бьет ее.

Т.Х.: Дерьмовая история.

Д.П.: Он был тюремным надзирателем, чего ты хочешь? Для него весь мир был тюрьмой. Знаешь, чего он по-настоящему боялся? Открытых пространств. Они на хрен рушили его логику.

Т.Х.: Интересно... В том, как ты это говоришь, нет даже намек на ненависть.

П.Д.: Ее и нет. Он любил нас, и маму любил. Очень по-своему, конечно. Однажды, мы тогда еще на Иво не перебрались и жили на Ките с отцом, во время урагана он сунул нас в погреб, а сам лежал сверху и прикрывал. У него вся спина была в шрамах потом. Ты даже не представляешь, Том, что такое ураган на Ките.

Т.Х.: Старик готов был за вас умереть?

Д.П.: Вот именно. Я хочу сказать, он был не самым плохим человеком. И не самым хорошим, конечно. Просто он был тюремным надзирателем, вот и все.

Т.Х.: Ясно. А как ты попал в разведку?

Д.П.: Сбежал. На Иво тогда было только два пути: стройка или армия. Не то, что сейчас. И вдруг появился рекрутер из разведки. Я сразу подал заявление.

Т.Х.: Не жалеешь?

Д.П.: Вообще нет. Но иногда... Я хочу сказать, что тут же стены вокруг. А за стенами ни хрена. Это, конечно, не тюрьма, ничего такого. Но иногда хочется увидеть что-то дальше десяти метров, и желательно без стен. Я даже как-то подумывал подать рапорт на увольнение.

Т.Х.: Почему не подал?

Д.П.: Ну... Заскучал. Это все-таки крутая работа, быть в Дальней Разведке. А потом... То, что случилось с теми кораблями... Я хочу сказать, этого же никто не мог предугадать, понимаешь? Это как тот ураган. И им никто не помог. Я из тех, кто не верит в то, что кто-нибудь спасся. А такое ведь с каждым однажды может произойти. Ну, не то же самое, а просто... Ураган. И кто-то должен лежать на крышке погреба, понимаешь? Прикрывать. Если мы уйдем, я хочу сказать, любой из нас, это должен будет сделать кто-то другой. Вроде как скинуть ответственность. Я так не могу. Я, конечно, не пилот, всего лишь повар. Ну и что? Тут каждый на своем месте. И каждый незаменим. Мы же в космосе, кем тут заменишь? Вот и приходится... вроде как, каждому лежать на своей крышке. А как по-другому?

Поисковый рейд эскадры Дальней Разведки. Борт флагмана дальней разведки «Мечь Королевы Анны»

После интервью с Джордано я поплелся к себе, в суровой решимости напиться до синих демонов. У меня еще оставалось кое-что из пронесенного контрабандой, а поскольку на борту самого флагмана имелся собственный солидный запас алкоголя, мой расходовался медленнее, чем я ожидал.

Тут-то я впервые для себя и столкнулся с одной из про-

блем дальней разведки. Описывая ее, я вынужден буду коснуться таких противоречивых тем, как алкоголь, шлюхи и вера в Господа нашего всемогущего, и сделаю это с удовольствием. Впрочем, проблема – это, пожалуй, не совсем верное определение. Правильнее будет так: одна из составляющих дрейфующего мира дальней разведки, такая же естественная, как медицинская служба и техническое сопровождение, но эта ее естественность становится очевидной лишь тогда, когда расстояние от тебя до родного дома увеличивается настолько, что само существование родного дома подвергается сомнению.

Итак, я шел к себе, предвкушая первый глоток виски «Клеймор», когда услышал глас небесный, громоподобный и совершенно безумный.

– И вдали от очага своего, влекомое ветрами пустоты и виною перед предками, пришло мне откровение. Бог есть, и бога нет одновременно! И величие его несомненно, ибо бог создал мир, когда его, бога, не существовало! Вдумайтесь вы, слепцы! Вдумайтесь и покоритесь этой силе!

Я замер, всерьез размышляя, не стоит ли и правда чему-нибудь покориться от греха подальше, а уж потом действовать согласно новым вводным. В это время глас небесный утих, и в динамики общей связи, укрепленные под потолком, начали проникать загадочные булькающие звуки, в которых, впрочем, я довольно скоро узнал глотание.

Тем временем, по коридору мимо меня, следуя голубым

стрелочкам («Ага!» – сказал я себе), пронеслись трое в комбинезонах службы технического сопровождения, вооруженные двумя горелками и одним пожарным топором.

– Господь сказал, что все грешны, и нет безгрешных! – снова возопил глас из динамиков. – Грех в нас всех, и в каждом отдельно! Ты понял меня, отребье нечестивое? Я тебя спрашиваю?

Я на всякий случай кивнул.

Мимо меня, вдоль синей пунктирной линии, пронеслись еще три человека, на этот раз в комбинезонах медиков.

– Не жди же, чадо, ибо бог дал нам днесь, но в ограниченном количестве! – возопил глас. И я решил, что и правда, чего ждать-то, и со всех ног понесся за медиками.

Пока мы неслись, глас то принимался цитировать Библию, то сквернословил, то умолкал, и в эфир возвращались глотающие звуки.

Таким образом (я за медиками, медики за техниками, а техники, ведомые гласом с небес и синими стрелками) оказались мы в техническом трюме. Оказалось, что по большому счету, это просто огромное помещение, типа гаража, заполненное ремонтируемыми спасательными капсулами, шаттлами, рейдерами и так далее. Я так и не понял, зачем было посвящать ему отдельную пунктирную линию. К тому времени в ангаре уже собралась солидная толпа, от командного состава до ничтожнейших из полотёров. В центре толпы находился один из недавно отремонтированных шаттлов, уже

выехавший на стартовую дорожку, но, как выяснилось позже, дистанционно деактивированный. Я понял, что источник гласа в шаттле, и принялся проталкиваться сквозь толпу. Вместе с медиками и техниками.

– Азм есмь физик, и азм есть сосуд веры, – подбадривал меня некто сидящий в шаттле и, каким-то образом добравшийся до общей связи. – И физика, обращаясь к началам, к истокам сущего, дает нам знать – был Наблюдатель! И был он – Бог!

У самого шаттла стояла, исходя лишающим покоя холодом надменная командор Чанг. А перед нею несколько техников пытались вскрыть ломami шаттл, рассчитанный на метеоритную атаку. У них, разумеется ничего не получалось, и только когда к ним присоединились мои спутники с резаками, дело сдвинулось с мертвой точки. Лишь бедолага, прибежавший с пожарным топором, стоял в растерянности, явно не зная, к чему приложить свои неординарные способности.

– Господь говорит с нами языком физики, грешники! – вопил божий физик из шаттла. – А физика говорит нам – узри пространство! Ибо, что есть пространство? Пустота? Ха! Пространство есть сосуд, наполненный событиями, которые одновременно происходят и не происходят, плюсами и минусами, которые в совокуплении своем рожают тот ноль, который вы, тупые людишки зовете пустотой. Это ли не знак! Это ли не знамение?

И так далее, в течении следующего получаса.

Честно говоря, мне было искренне жаль, когда шаттл все же вскрыли, и сопротивляющегося бедолагу выволокли наружу, в жадные руки медиков. Еще одно божественное откровение споткнулась об атеистическую силу медицинских препаратов.

Разумеется, я мгновенно забыл о желании напиться, и отправился в медблок.

Аппаратная расшифровка интервью № 2241-2. Гай Фаричелли, врач-травматолог

Т.Х.: Гай, что случилось с этим парнем?

Г.Ф.: Божественное откровение.

Т.Х.: Это я и сам понял.

Г.Ф.: Нет, Том, это синдром, называется «Синдром божественного откровения». Характерен только для людей, проводящих много времени в космосе. Тебе бы с психиатром поговорить. Это его сторона поля.

Т.Х.: Нет уж, дружище. Я не стану обращаться к психиатру даже ради интервью. У меня на этих ребят стойкая аллергия. Давай ты мне расскажешь.

Г.Ф.: ОК, но мнение не будет профессиональным.

Т.Х.: Ничего страшного. Мне важно составить общую картину.

Г.Ф.: Ну... Короче, все дело в инстинкте самосохранения. Самом базовом инстинкте человека, из которого растут но-

ги всех остальных. Стремление к продолжению рода, выборы президента, мой дом моя крепость и так далее. В основе всего лежит инстинкт самосохранения, и моменты, нарушающие самовозводимую каждым человеком границу безопасности. Пока понятно?

Т.Х.: Пока да.

Г.Ф.: Человек, отправляющийся в космос, подавляет этот инстинкт. Без этого никак. Ведь там, куда он идет – все чужое. Чужая территория вокруг, нет даже гипотетической возможности выйти за рамки ограниченного пространства, а мир, в котором все правильно и всегда можно прибежать в слезах к мамочке, так далек, что его почти не существует. Мало того, если что-то случится с двигателем разделителя, то слово «далек» можно смело менять на «недостижим». Конечно, в случае невыхода на связь будет послана спасательная экспедиция, но ведь нет стопроцентной гарантии в том, что она прибывает вовремя, или даже просто найдет потерявшихся. Гребанный космос почти бесконечный! А с точки зрения человека – просто бесконечный. Никаких стопроцентных гарантий тут не бывает.

Т.Х.: Вот сейчас ты испортил мне настроение.

Г.Ф.: Ты предполагал, что все иначе?

Т.Х.: Нет. В смысле... Понимаешь, есть вещи, которые лучше не формулировать.

Г.Ф.: В-нашем деле так нельзя. Человек, уходя в дальнюю разведку, должен отдавать себе отчет в том, на что он под-

писывается. Поэтому у нас нет долгосрочных контрактов, и каждый может уволиться в любой момент. Мы, как никто другой понимаем, что реальность – жестокая штука, и далеко не всегда оказывается такой, какой мы ее себе представляем.

Т.Х.: Хватит, у меня начинается клаустрофобия. Что там с «Божественным Откровением»? Только без терминов, так чтобы даже такой болван, как я, понял.

Г.Ф.: Ну... Короче, смотри, человеку необходимо отождествлять себя с тем местом, где он находится. Дому, городу, планете, игровой площадке, рабочему кабинету, неважно. При этом отождествление расходится кругами. Я живу в доме, в городе, на планете. Понимаешь? Но для нас есть каюта, корабль и все. Дальше заглядывать нельзя, там бездна. Потому что ты можешь как-то сформулировать для себя такую штуку, как дом, как город, можешь, пусть и теоретически представить себе планету, и определить ее, скажем, словом «огромная». Но как понять то, что там, за бортом. Как понять гребанное ничто, простирающееся на бесконечность? Это невозможно. Это выше человеческих сил, выше возможностей человеческого рассудка. Поэтому нельзя долго вглядываться в бездну. Но иногда люди не удерживаются. И тогда мозг начинает искать компенсацию. Не бывает непонимаемого, бывает то, что не можешь понять ты, но способен некто, чьи возможности безграничны, ибо только так можно осознать и понять бесконечность.

Т.Х.: Бог?

Г.Ф.: Да.

Т.Х.: То есть этот бедолага...

Г.Ф.: Труман. Анри Труман. Офицер навигации. Отличный парень. Это его четвертый рейд. Ну и, сам понимаешь, последний.

Т.Х.: Выходит этот Труман заглянул в бездну?

Г.Ф.: Дело даже не в том, что заглянул, мы все периодически туда заглядываем. А как иначе, ведь она вот тут, в нескольких метрах. Дело в том, что заглянув в нее, он не отвернулся, а продолжил смотреть.

Т.Х.: А как от нее отвернуться?

Г.Ф.: Секс, алкоголь или молитва. Нужно заставить твой инстинкт самосохранения работать в ближайшей перспективе, перенаправить его в понятные области.

Т.Х.: То есть, ты хочешь сказать, что бортовой бордель, капелланы и бары с выпивкой, это не просто для удобства и развлечения?

Г.Ф.: Нет. Их основная цель – терапевтическая. С физическими проблемами разбираемся мы, медики. А шлюхи, капелланы и продукты брожения спасают души экипажа.

Т.Х.: Парень... я всегда знал, что вы ходите по грани, но...

Ф.Г.: Мы ходим, Том, мы. До тех пор, пока длится этот рейд – мы.

Тишина. Пауза длится десять с половиной секунд.

Т.Х.: Мне надо выпить, чувак.

Г.Ф.: Так пойд и напейся.

Т.Х.: И трахнуть кого-нибудь из шлюх.

Г.Ф.: Хорошая идея, Том. Как врач говорю тебе – иди и возлюби ближнюю.

Т.Х.: Я только не могу вспомнить ни одной молитвы.

Г.Ф.: Ну, не все сразу Том. Лечиться надо постепенно. Начни с малого, накидайся и трахни девчонку. А уж потом, если не поможет, беги к капеллану. Они – тяжелая артиллерия, Том.

Т.Х.: Спасибо, чувак.

Г.Ф.: Нет проблем. Обращайся, Том.

Джетро-Талл, курортная планета-офшор. «Д.Д.»

Первая статья из заказанной серии о рейде дальней разведки закончена. Суперсовременный моджо-тайп, который по некоторым параметрам (да почти по всем!) умнее меня, тарактит, переводя печатный текст на язык солнца. Стремительные фотоны понесут его сквозь вселенную, поделив на «да» и «нет», плюсы и минусы, «1» и «0»: двоичная система, самый простой код. Его придумали еще в те времена, когда науку называли натурфилософией. Понятия не имею, откуда у меня в голове эта информация. Видимо, когда я отсыпался на лекциях, умные слова зайцем проползали мне в уши. А может я прочитал об этом в одной из книг, или мне

рассказал кто-то из друзей. Но как бы там ни было, фотоны несут первую часть рассказа о службе Дальней Разведки сквозь пространство, наполненное тем, что одновременно может и не может быть. Если вдуматься, даже сойдя с ума, Анри Труман не сказал ничего сумасшедшего.

Я же допиваю виски и отодвигаю стакан в сторону, потому что, к сожалению, помимо статьи у меня есть еще кое-какие дела на Джетро-Талле. И как бы я не хотел провести этот день с виски в одной руке и грудью Абигейл в другой, увы, это невозможно.

Пока я размышляю об этом, дверь открывается, и входит она. Моя командор, черная богиня, вышедшая из ледяного облака для того, чтобы вчерашней ночью быть жарче пламени и нежнее кошачьего подшерстка. К сожалению, она уже одета. Когда стану императором вселенной, первым делом запрещаю красивым женщинам носить одежду.

– Абигейл, не смей так поступать со мной!

Ее губы касаются моего плеча, и я постыдно таю. Если вам нужна крепкая веревка, ловите момент и вейте ее из меня.

– Как поступать?

– Застегивать китель на все пуговицы. По крайней мере, в моем присутствии.

Она садится на стол и расстёгивает верхнюю пуговицу.

– Так лучше?

– Да, но все еще недостаточно хорошо.

Дорогой мой читатель, если ты думаешь, что я продолжу,

и опишу в подробностях то, что происходило на столе в кабинете, потом на полу в кабинете, потом на кровати в спальне, и, наконец, в бассейне, то ты глупее, чем я думал. Хотя, признаюсь, рассказать очень хочется. Поверь мне, это стоит пера лучших из писателей. И тут нет моей заслуги, все она, моя прекрасная Абигейл. Но нет, стоп, немедленно прекратите протягивать мне ваши яблоки. Я не намерен лишиться этого рая.

Джетро-Талл, курортная планета-офшор

Абигейл снова застегнула китель на все пуговицы и удрала из моих ослабевших рук в направлении регистрационного центра для представителей вооруженных сил. Я же повалился немного в бассейне, позволяя своей отбеленной космосом коже темнеть. Все это время я тоскливо поглядывал в сторону номера, где, как я знал, стояли и ждали меня с нетерпением бутылки дунканского виски.

В конце концов, я крикнул себе: «Соберись, тряпка!» — и заставил себя действовать. Время приближалось к двум, и до назначенной встречи оставалось чуть больше часа. Я нацепил свой лучший костюм, чтобы подчеркнуть важность предстоящего интервью, но галстук оставил на перекладине, чтобы подтвердить неофициальность встречи.

У парадного входа отеля меня уже ждало заранее заказанное такси. Тоже, кстати, с эмблемой корпорации Ревущее-

го Медведя на водительской двери. Как признался мне однажды сам Ревущий Медведь, он и сам не ожидал, что собственная логистика приносит немногим меньший доход, чем сам отель. Разумеется, такси я пользовался все по тому же карт-бланшу.

Не хочу тратить время на описание поездки, откройте любой туристический проспект, рекламирующий курорты Джетро-Талла, и получите то же самое. И даже больше, учитывая, что все дороги на планете либо спрятаны под землю, либо зачехлены в искусственные ферропластовые тоннели. Все, что я видел – это рекламные экраны, задние бампера и бритый налысо затылок моего водителя, так похожий на что-то неприличное, что я все время отводил глаза.

Двадцать минут спустя и за пять минут до назначенного времени я высадился у парадных дверей отеля «Симпсон Фэмили Мариот». Если вам лень загружать на свои консоли рекламные проспекты, или статьи из Википедии, то знайте, что более... скажем так, незаметного отеля на Джетро-Талле нет. Стандартный купол, размером примерно в треть отеля Ревущего Медведя, никакого показного шика, несколько чахлах пальм вдоль дороги, и вывеска, настолько невзрачная, что ее легко и вовсе не заметить. Почти пустая стоянка с несколькими машинами среднего класса и одним нелепым микроавтобусом. Отсутствующий швейцар на дверях и привкус неуместной на офшоре муниципальности во всем. Короче, я бы, находясь в здравом уме, никогда не остановился

в этом отеле. Но вот в чем заноза. Даже если бы я захотел, мне бы этого не позволили. Не бросающиеся в глаза отели сети «Симпсон Фэмили» имеются на всех планетах-курортах, и вселяется в них особый тип людей, предпочитающих обходиться без рекламы. Надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю, потому что конкретнее объяснить я не могу, иначе однажды меня найдут в открытом космосе с бетонным тазиком на ногах и отрезанной лошадиной головой под мышкой. Но вы все прекрасно знаете и сами. Наверняка в вашей жизни случилось так, что идя мимо незаметных, казалось бы, людей, вы чувствовали, как по вашим холкам бегут мурашки беспричинного страха. Когда я подходил к отелю «Симпсон Фэмили Мариот» на Джетро-Талле, я был покрыт мурашками с ног до головы, и только усилием воли не давал своим зубам биться друг об друга в панической истерике.

Джетро-Талл, курортная планета-офшор. Отель «Симпсон Фэмили Мэриот». Встреча с Мистером Смитом

Человек, на встречу с которым я поднимался по искусно выщербленным ступеням, имеет небольшую долю во многих крупных корпорациях. Но вы никогда об этом не узнаете, так же, как никогда не узнаете его имени. Мне придется заменить его на нейтральное Мистер Смит. Где Мистер – это имя, а Смит – фамилия.

Что же касается причины нашей встречи, то тут все банально. Мистер Смит спонсирует работу службы дальней разведки. Ходят даже слухи, что он был инициатором ее появления. А как же наши налоги и муниципальное содержание, возмутитесь вы? Да никак. Серьезно. Тех средств, что выделяет государство, едва хватает на содержание личного состава. Все остальное покупается за счет частных пожертвований. И самый крупный жертвователь – Мистер Смит. Кто-то тратит деньги на футбольные команды. Кто-то на сверхсовременные межпланетные яхты. А Мистер Смит – на службу Дальней Разведки. И это о многом говорит, потому что если с футбольной команды можно отхватить неслабые дивиденды, а возможность прокатиться от планеты к планете на собственной яхте – удовольствие, доступное избранное единицам, то, казалось бы, вкладывая деньги в дальнюю разведку, нельзя рассчитывать на какую-либо отдачу. И это вроде бы нехарактерно для таких вот Мистеров Смитов. Что не отменяет всего вышесказанного, и судороги животного ужаса начали сводить меня даже просто в непосредственной близости от отеля, в котором находился Мистер Смит. А я не самый пугливый человек.

Мне пришлось поторчать какое-то время перед входом – двери просто не желали открываться, а мертвый голос сказал: «Оставайтесь на месте». Куда ж я денусь? Видимо, меня исследовали скрытыми сканерами на оружие, жучки, излишнюю религиозность, склонность к ожирению и прочие

опасные вещи. В конце концов, дверь сдалась, и два симпатичных швейцара в шапках-масках и с автоматами поперек груди вежливо попросили меня пройти за ними. Я улыбался, обливался ледяным потом, и пытался вести себя непринужденно, отчего у меня начался тик левого века и какие-то проблемы с дыханием.

В холле отеля было темно, прохладно и крайне неудобно. То ли оттого, что здесь мне явно были не рады, то ли от ощущения, что по моему лбу бежит красная точка. Широкая лестница, застланная ковром, пожирала звуки моих шагов. Из стенных ниш сквозь полумрак взирали каменные истуканы в одеждах всех времен, от римских тог до военных комбинезонов. Узкое и высокое окно было забрано витражом, и, видимо, в его планы не входила борьба с полумраком.

На лестничном пролете я вдруг постыдно вздрогнул, когда во тьме всплыли чьи-то настороженные глаза. Это был всего лишь еще один охранник в шапке-маске, но понял я это уже после того, как часть моих нервных клеток навсегда отправилась в поля большой охоты.

С лестницы меня проводили в коридор, наконец-то освещенный: огромные лампы-шары с плавающими на дне золотыми рыбками неровным светом заливали пространство, стоимость каждого метра которого, подозреваю, легко переплюнет годовой бюджет моего пустынного Бахрейна и еще пары таких же провинциальных планет. Вот где обнаружился шик, рассыпанный щедрой горстью. Шелк на стенах, хру-

сталь между деревянными панелями, и это было настоящее дерево, и настоящее дерево скрипело под ногами, а какие-то недоброжелательные граждане взирали с портретов в тяжелых позолоченных рамах. Часть стены слева была превращена в водопад, на дне которого сверкали перламутровые шарики жемчужин. Дьявол, подумал я, ведь этого никто даже не видит! И не увидит до тех пор, пока люди типа Мистера Смита предпочитают отдыхать в отелях «Симпсон Фэмили Мэриот»!

Коридор заканчивался чем-то вроде небольшой залы. Здесь было светло, и свет был явно дневной. Но окон я так и не увидел. Видимо, хитрая система зеркал. Вдоль стен залы стояли кадки с густоцветными растением, в центре журчал небольшой, но очаровательный в своем старомодном бесстыдстве фонтан, изображающий нагую деву, сжимающую груди, и выпускающую из сосцов две звонких струйки воды. У фонтана, за небольшим накрытым столиком меня ждал сам Мистер Смит. Немолод, высок, благородно седовлас. На лице живут собственной жизнью не постаревшие ни на день глаза опасного зверя, привыкшего видеть все, и все контролировать. Единственной чертой, нарушающей, а впрочем, может и подчеркивающей холодную аристократичность Мистера Смита, был старый горизонтальный шрам на левой щеке. Я приказал себе не смотреть на него, и с этой секунды не мог смотреть ни на что иное.

Мистер Смит кивнул мне и жестом предложил занять

кресло по другую сторону стола. Я проглотил мгновенно образовавшийся в горле ком и сел на указанное место.

– Его звали Ирёку Мизуми, – сказал Мистер Смит, и провел кончиками пальцев по шраму, – он бил наотмашь. Очень сильный боец, идеальный убийца. Если бы не яд, который я подсыпал ему чуть раньше, он бы не промахнулся. И, вероятно, сидел бы сейчас на этом стуле вместо меня.

– Я... – мои ладони вспотели и оставляют влажные следы на белой скатерти, – мне не стоит знать о таких вещах.

– Возможно. Но вы уже знаете. Мистер Хант, вы читали Достоевского?

– Да... Что-то... в университете.

– Бета-Массачусетс, да... Тогда вам должно быть известно, что граница между добром и злом – размыта. И одно, зачастую, порождает другое.

Я проглотил второй кусок, осознав, что люди Мистера Смита прошерстили мою биографию, и вероятно, вся моя подноготная известна этому человеку, о котором мне неизвестно почти ничего. И все же я попытался взять себя в руки.

– Мистер Смит... да, вы правы, но... дальняя разведка...

– Моя семья прилетела на «Федоре Достоевском», – Мистеру Смиту было наплевать на мои попытки направить разговор в нужное мне русло. Он заранее решил, что именно должно прозвучать. Он бы продолжал в том же духе, даже если бы я растворился в воздухе.

– Моя семья и Ирёку... И мы был на том корабле.

– Но... тогда вам должно быть...

– Очень много лет. Чудеса современной медицины, деньги и правильные связи. Мы с Ирёку были младенцами, когда корабль сел на «Спасении».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.